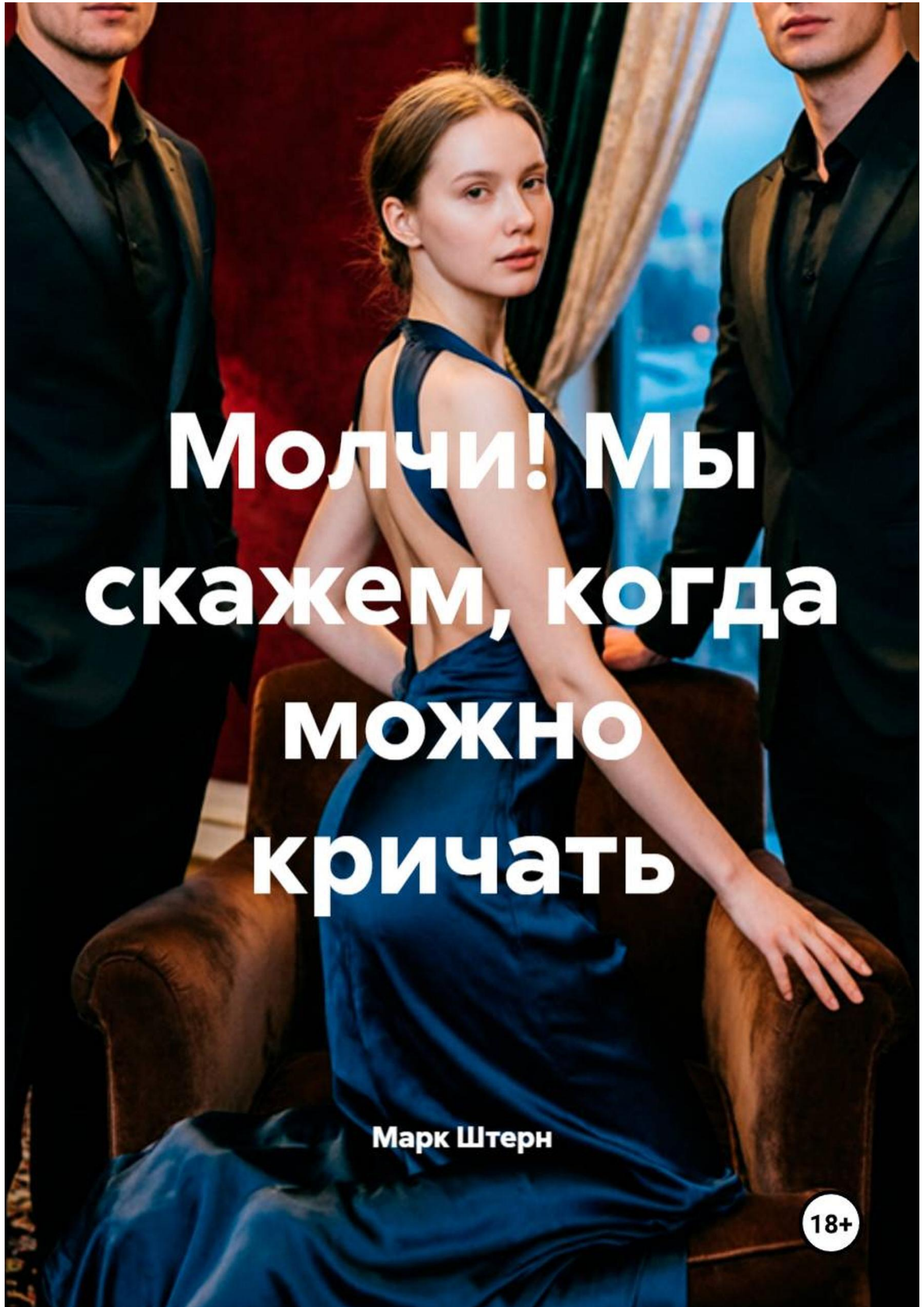

A movie poster featuring a woman in a blue dress sitting on a brown leather chair, looking back over her shoulder. Two men in black suits stand behind her. The background is a dimly lit room with a window showing a city view.

Молчи! Мы скажем, когда можно кричать

Марк Штерн

18+

Марк Штерн

**Молчи! Мы скажем,
когда можно кричать**

«Автор»

2026

Штерн М.

Молчи! Мы скажем, когда можно кричать / М. Штерн —
«Автор», 2026

Тёмная история от лица мужчины, который вместе со своим наставником проводит интенсивную БДСМ-сессию для их общей саб. Наставник старше, опытнее, жёстче. Герой привык быть главным, но здесь — он ученик, и наставник не стесняется давить. Он смотрит, как наставник ломает её, и одновременно учится, и злится, и возбуждается. Соперничество в мастерстве: кто знает её тело лучше, кто ведёт её глубже, кто первым доведёт до абсолютной капитуляции...

Содержание

Соперничество, страсть и мастерство в БДСМ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Марк Штерн

Молчи! Мы скажем, когда можно кричать

Соперничество, страсть и мастерство в БДСМ

Тёмная история от лица мужчины, который вместе со своим наставником проводит интенсивную БДСМ-сессию для их общей саб. Наставник старше, опытнее, жёстче. Герой привык быть главным, но здесь — он ученик, и наставник не стесняется давить. Он смотрит, как наставник ломает её, и одновременно учится, и злится, и возбуждается. Соперничество в мастерстве: кто знает её тело лучше, кто ведёт её глубже, кто первым доведёт до абсолютной капитуляции.

Теги: БДСМ, жесткая эротика, МЖМ, дисциплина, двойной доминант, глубокий сабспейс, соперничество.

Молчи! Мы скажем, когда можно кричать

Глава первая. Тень Учителя

Воздух в подвале был густым, тяжёлым, пропитанным запахом старой кожи, сандалового масла и едва уловимым металлическим привкусом страха. Это был мой запах. Запах моего дома, моей крепости, где я правил безраздельно уже пять лет. Здесь, за толстыми стенами звукоизоляции, время останавливалось, а реальность сжималась до размеров кожаного кресла, плёток и ошейников.

Я стоял посреди комнаты, поправляя манжеты рубашки. Мои движения были отточены годами практики: каждое движение экономно, каждый жест выверен. Я любил контроль. Любил предсказуемость. Когда Виктория входила в эту комнату, она знала правила. Она знала, что я не терплю хаоса. Что я веду её через лабиринт боли и удовольствия по чёткой карте, которую начертал сам.

Но сегодня карта была другой. Сегодня я не был хозяином положения.

Дверь открылась бесшумно. Вошёл он. Виктор Андреевич. Мой наставник. Человек, который научил меня всему, что я знал о власти. Он был старше меня на двадцать лет, но возраст лишь добавил ему веса, как граниту — монументальности. Высокий, сутуловатый, с лицом, изрезанным морщинами не от смеха, а от концентрации. Его глаза, светло-серые, почти прозрачные, видели людей насквозь. Он не носил дорогих костюмов, предпочитая простые чёрные брюки и белую рубашку, всегда идеально выглаженную, но лишённую всякого лоска. В нём не было ничего показного. Только суть.

— Дмитрий, — произнёс он. Голос был тихим, хрипловатым, но заполнил всё пространство мгновенно.

— Виктор Андреевич, — кивнул я, чувствуя, как внутри сжимается привычная уверенность. Рядом с ним я снова становился учеником. Тем самым неуверенным юношей, которого он когда-то вытащил из мрака непонимания и научил видеть структуру в хаосе.

— Она готова? — спросил он, не глядя на меня. Его взгляд был прикован к двери, ведущей в спальню, откуда должна была выйти Виктория.

— Да. Она ждёт в подготовительной комнате. Обездвижена, раздета, промыта. Психологически настроена.

Виктор медленно повернул голову. В его взгляде не было одобрения. Была оценка.

— «Настроена» — это слово для любителей, Дмитрий. Сабмиссив не настраивается. Он ломается. Или нет. Посмотрим, насколько прочна её конструкция сегодня.

Он прошёл мимо меня, направляясь к стойке с инструментами. Его пальцы, длинные и жилистые, скользнули по рукояткам плёток, проверяя баланс. Он не выбирал инструмент заранее. Он выбирал его по ситуации, по дыханию партнёра, по дрожи в коленях.

— Сегодня ты не участвуешь, — сказал он, беря в руки короткий, гибкий кнут из сыромятной кожи. — Сегодня ты смотришь. Ты учишься. Ты запоминаешь каждую секунду, каждый вздох, каждый микроспазм её мышц. И если ты осмелишься вмешаться без моей команды, я выгоню тебя из этого дома. Навсегда.

Я стиснул зубы. Унижение жгло горло. Это был мой дом. Моя сабмиссивка. Но я знал правила игры с Виктором. Он не терпел конкуренции там, где считал себя мастером. А в искусстве разрушения личности он был богом.

— Понял, — тихо ответил я.

— Хорошо. Зови её.

Я вышел в коридор. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, эхо отдаётся в висках. Я ненавидел этот момент. Момент передачи власти. Но одновременно во мне просыпалось нечто тёмное, липкое. Любопытство. Желание увидеть то, чего я сам не мог достичь. Виктория была сложной. Гордой. Она любила меня, доверяла мне, но часто сохраняла внутренний стержень, который не позволял ей уйти в полный сабспейс. Она держала часть себя в резерве, как страховку.

Может быть, Виктор сможет сломать эту защиту?

Я открыл дверь подготовительной комнаты. Виктория сидела на краю кушетки, связанная мягкими шёлковыми верёвками. Её голова была опущена, волосы скрывали лицо. Она дрожала. Не от холода — в комнате было тепло. От ожидания.

— Вставай, — сказал я. Голос звучал чужим, глухим.

Она подняла голову. Глаза были широко раскрыты, зрачки расширены. В них читался вопрос. Она чувствовала перемену атмосферы. Чувствовала присутствие другого хищника.

— Кто...? — начала она.

— Молчи, — оборвал я. — Иди за мной.

Она послушалась. Верёвки ограничивали её движения, делая походку неуклюжей, зависимой. Я вел её в подвал, держа за поводок, пристёгнутый к ошейнику. Каждый шаг давался ей с трудом. Я видел, как напрягаются мышцы её спины, как она пытается сохранить достоинство, несмотря на унижение позиции.

Когда мы вошли в подвал, Виктор уже ждал. Он стоял у кресла — массивного, пугающего сооружения из дуба и стали, с множеством колец и ремней.

— Положи её, — приказал он.

Я подтолкнул Викторию к креслу. Она посмотрела на Виктора, и в её глазах мелькнул настоящий страх. Не тот игровой страх, который мы культивировали в наших сессиях. А первобытный, животный ужас перед неизвестностью.

— Господин...? — прошептала она, обращаясь ко мне, ища защиты.

Я отвернулся. Не мог смотреть.

— Ляг, — повторил Виктор. Его голос не повысился, но в нём появилась сталь.

Виктория колебалась секунду. Потом медленно, повинувшись инстинкту подчинения более сильной воле, легла на холодную кожу кресла.

Виктор подошёл ближе. Он не стал сразу пристёгивать ремни. Он начал с осмотра. Медленно, методично. Его руки, сухие и горячие, скользили по её телу, проверяя тонус мышц, частоту пульса на шее, температуру кожи.

— Дыхание поверхностное, — констатировал он, скорее для себя, чем для нас. — Пульс сто десять. Страх высокий. Сопротивление есть.

Он посмотрел на меня.

— Запиши это, Дмитрий. Первый признак слабости — не дрожь. Дрожь — это реакция нервной системы. Слабость — это попытка контролировать дыхание. Она пытается казаться спокойной. Это ложь. И ложь нужно наказывать.

Я достал блокнот. Руки дрожали. Я записал: «Попытка контроля дыхания. Ложное спокойствие».

Виктор взял ремни. Щелчок за щелчком. Лодыжки. Запястья. Бёдра. Грудь. Каждое застёгивание было финальным аккордом её свободы. Когда последний ремень лёг на место, Виктория оказалась полностью обездвиженной, распятой на кресте своей покорности.

— Теперь, — сказал Виктор, отходя назад и оценивая картину, — начинается работа.

Глава вторая. Архитектура тишины

Виктор не брал инструментов сразу. Он сел на стул напротив кресла, сложив руки на коленях. Тишина в подвале стала осязаемой, плотной. Слышно было только прерывистое дыхание Виктории и тиканье часов на стене.

Прошла минута. Две. Три.

Виктория начала ёрзать. Ремни не позволяли ей двигаться существенно, но она пыталась изменить положение головы, напрячь мышцы ног. Ей было некомфортно от бездействия. От того, что наказание не начиналось. Ожидание было хуже боли.

— Почему вы молчите? — вдруг спросила она. Голос дрожал.

Виктор не ответил. Он даже не посмотрел на неё. Он смотрел на свои руки.

— Господин Виктор? — попробовала она снова, обращаясь напрямую к нему.

Тишина.

— Дмитрий, скажи ему... — она повернула голову ко мне, ища союза.

Я стоял в тени, у стены. Мне хотелось подойти, успокоить её, сказать, что всё будет хорошо. Но я помнил приказ. Смотри. Учись.

— Молчи, — наконец произнёс Виктор. Не громко. Но так, что слово ударило, как пощёчина. — Мы скажем, когда можно говорить. А пока ты будешь слушать. Слушать своё сердце. Слушать свой страх.

Он встал. Подошёл к ней. В руке у него появился не кнут, а простая деревянная линейка. Школьная, обычная.

— Ты думаешь, боль — это главное? — спросил он тихо, проводя линейкой по её животу. Холодное дерево касалось горячей кожи. — Боль — это язык. Но прежде чем говорить на языке, нужно выучить алфавит. Твой алфавит — это тишина.

Он резко ударил линейкой по внутренней стороне её бедра.

Хлест!

Виктория вскрикнула. Резко, неожиданно.

— Я не разрешал кричать, — спокойно сказал Виктор.

Он ударил снова. По другой ноге.

Хлест!

— Молчи.

Удар третий. По плечу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.